

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

Путь к вечным истинам бывает не прост, а порой драматичен даже для умудренного опытом человека. Что же сказать о юной, неокрепшей душе?

Так и видится: оба они — учитель и ученик — стоят в самом начале долгой и трудной дороги. И хоть отмерили они в жизни немало (у одного с плечами война, у другого — трудное, горькое детство), не решаются, медлят сделать следующий шаг. Словно он будет первым.

А ведь действительно первым. Трагедия, которую пережили Коля Корякин и его школьный учитель Аркадий Кириллович, изменила их, сделала другими людьми.

О трудном поиске истины, о восхождении к ней, о потерях и обретениях на этом пути — новая повесть Владимира Тендрякова.

К проблемам воспитания писатель обратился еще в раннем своем романе «За бегущим днем». Затем была откровенно полемическая «Ночь после выпуска», где В. Тендряков ставил вопрос о том, в какой мере подготовлены десятиклассники к встрече с жизнью. Писатель утверждал, что неоправданная замкнутость системы образования, ее оторванность от насущных проблем способны превратить школу в изолированную от сложности бытия лабораторию.

Для новой повести В. Тендряков выбрал ситуацию еще более спорную. Исключительную. То же, что в «Ночи после выпуска», исходные данные: хорошая школа, неординарный учитель, казалось бы, идеальная педагогическая система, которую он претворяет в жизнь. Но приводит она... к преступлению. Краски здесь, пожалуй, намеренно сгущены: парадоксальность обвинения, предъявляемого учителю, находится на грани нарочитости. В реальной действительности убийство под влиянием аффекта обычно не вызывает потока кающихся грешников, каждый из которых берет вину на себя, а воспитание благородной ненависти к злу не порождает убийц.

Произведение в известной мере напоминает экспериментальную площадку, где происходит нравственное испытание человеческих душ. В отдельные моменты начинает казаться, что повествование вот-вот отринет земные условия происходящего и взмоет к отвлеченно-аллегорической условности. Жанр колеблется между умозрительным философским назиданием и бытовой драмой. И все же груз реальных жизненных проблем оказывается тяжелее. Для писа-

теля важна именно заостренность постановки вопроса о соотношении живой жизни и сухой теории. Для него дорога мысль о том, что воспитуемые, вырастая, вершат суд над учителями — своими поступками, образом мышления, самим способом существования.

В том убийстве, которое совершает Коля Корякин, оказывается множество виновников. Прежде всего — сам отец Коли, пьяница, издевавшийся над женой. А Коля — добрый мальчик, он скорее жертва, чем преступник. Но главную вину за содеянное, как уже сказано, принимает на себя учитель Коли — Аркадий Кириллович. Это ведь следуя теории своего любимого учителя, чья педагогическая деятельность — гордость школы и всего города, Коля решил на убийство. Это Аркадий Кириллович внушал Коле и всем своим ученикам, что каждый должен бороться с ложью, несправедливостью, злом, бороться бесстрашно, не дожидаясь, пока этим займутся другие.

...Во время войны в разрушенном Сталинграде Аркадий Кириллович открылось глазами: «...ничто не вытравит в людях человеческого. Его можно подавить, но не уничтожить. Под

спудом в каждом нерастраченных запасы доброты — открыть их, дать им выражаться наружу!» И Аркадий Кириллович выбрал гуманную профессию учителя.

В школе он преподавал литературу, требовал от учеников, восторгавшихся или негодовавших по поводу поступков литературных персонажей, немедленных практических выводов: «Ты возмутился хозяйкой Ваньки Жукова... Но... ты совсем не возмущаешься, когда знакомый старшеклассник... отпускает затрещину... малышу».

В результате возникла своеобразная игра в благородство, смелость, абсолютную честность. Литературная игра. Ибо, прекрасно ориентируясь в сложностях литературных произведений, ученики совершенно не способны были разобрататься в премудростях окружающей их жизни, да и в своей собственной тоже. Они механически затвердили: добро должно любить ценой теснить зло. Эта формула, по существу, и предопределила трагедию семьи Корякиных.

И взрослых Аркадий Кириллович вовлек в эту игру. Отца своей ученицы Василия Петровича Потехина убедил, что тому следует выступить против

очковтирателя Гордина. Но при этом не взвесил возможностей Потехина, не оценил степени его приспособленности к схватке с могущественным противником. Не помог практически ничем. И Потехин схватку проиграл. А потом... «Эпопея забылась, у Аркадия Кирилловича хватало своих забот».

Этот эпизод, о котором упомянуто вскользь, мимоходом, мог бы послужить завязкой другой, не менее острозащитной, чем «Расплата», повести. Но и в кратком изложении он дает представление о том, сколь опасно абсолютизировать гармонию теоретических построений, не поверяя ее алгеброй, а то и арифметикой бытия.

Аркадий Кириллович учил отвращать, но не прививал умения понимать и сострадать, учил работе мысли, но забыл о необходимой для каждого работе души. Лишь пережив трагедию, многов переумав и переоценив, Аркадий Кириллович может быть, впервые говорит о том, что жизнь не укладывается в формулы. Постигайте противоречивость жизни, говорит учитель, ищите путь друг к другу. А это уже не игра, это серьезно.

Таков нравственный урок повести. Такова человеческая позиция писателя, всегда нацеленного на острые проблемы бытия.

Андрей ЯХОНТОВ